

Кряж И.В. Анализ системы социальных идентификаций в контексте индивидуальной временной перспективы // Вісник Харківського університету. Серія психологія. 2002. – № 550. – С. 108-114

Кряж И.В.

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИФИКАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Розглядаються результати аналізу соціальних ідентифікацій 321 людини, що мешкають в двох регіонах України – східному та західному. Порівнюються особливості соціальних ідентифікацій, що розглядаються як для теперішнього часу, так й для майбутнього в його суб'єктивному вимірі. Виявлені головні регіональні розбіжності, що торкаються насамперед етнолінгвістичної та релігійної ідентичності.

Исследования феномена социальной идентичности в постсоветском пространстве начались сравнительно недавно – с середины 90-х годов минувшего столетия. Всплеск интереса к этой проблематике, был обусловлен, с одной стороны, ее популярностью в современной западной психологии, с другой – задачами изучения социально-психологических эффектов политических и социально-экономических трансформаций на территории бывшего Советского Союза /1/, /2/, /4/. При этом одним из наиболее актуальных и сложных в методическом плане исследовательских моментов является анализ социальных идентификаций в их динамике /2/, /3/.

Данная работа посвящена анализу влияния этнокультурной ситуации на субъективные представления о временной динамике социальной идентичности. Система социальных идентификаций изучалась здесь в двух ракурсах: в том виде, как ее презентует субъект в настоящее время, и в ракурсе того, как субъект представляет себя в своем обозримом будущем.

Исследование проводилось в г.Харькове и г.Первомайском Харьковской обл. (Восточная Украина) и в г.Ровно (Западная Украина). В исследовании приняли участие 321 человек, из них 110 – на подготовительном и 221 – на основном этапе (табл.1). Обе региональные группы были уравновешены по своему половозрастному и социальному составу.

¹ Автор выражает свою благодарность фонду Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, оказавшему финансовую поддержку исследовательскому проекту "The Future as Seen by Residents of Eastern and Western Ukraine: A Factor of Stability or an Indicator of Stress?" (MACARTUR GRANT No.: 01-68453-000).

Таблица 1

Количественное распределение респондентов по региональным и половозрастным группам на разных этапах исследования

регион	Восточная Украина						Западная Украина			
город	г.Харьков				г.Первомайский		г. Ровно			
возраст	19-23		30-40		30-40		19-23		30-40	
пол	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Подготовительный этап	15	20	10	10	–	–	15	20	10	10
Основной этап	25	25	24	22	10	10	24	22	23	26

Для исследования особенностей социальной идентичности были использованы: *модифицированный вариант методики Kuhn - Mc Partland* - на подготовительном этапе и *метод самокатегоризации* - на основном этапе исследования.

Модификация метода Kuhn - Mc Partland.

Для изучения представлений о динамике системы социальных идентификаций респондентам предлагалось дать по 10 ответов на вопрос "Кто я?" применительно к настоящему, прошлому и будущему времени: "Кто я?", "Кто я в прошлом?", "Кто я в будущем?".

Анализ полученных ответов позволил определить наиболее значимые для респондентов социальные роли и социальные идентификации. К первым относятся прежде всего семейные и гендерные роли, ко вторым – профессиональная, национальная, в меньшей степени – городская, религиозная, гражданская идентичности.

Основные различия между двумя региональными группами проявились в отношении к семье и к профессиональной активности. Ровенские респонденты из обеих возрастных групп чаще харьковчан указывали на свою семейную принадлежность – как в настоящем, так и в прошлом и будущем. Для харьковских респондентов в целом более значимой оказывается профессиональная сфера.

На основании полученных результатов для более глубокого изучения социальной идентичности был составлен перечень описаний, включающий 25 характеристик (из них 6 - парные: дочь/сын, жена/муж, мать/отец (табл.2).

Самокатегоризация методом свободного выбора

Респондентам предлагалось выбрать из предложенных описаний людей те, которые, по их мнению, подходят к ним, описывают их, после чего проводилось ранжирование выбранных описаний по их субъективной значимости. Затем респондентам предлагалось выполнить ту же самую последовательность действий, но теперь для того, чтобы описать, какими они видят себя в обозримом будущем.

Таблица 2

Результаты самокатегоризации респондентов, проживающих в разных регионах Украины (n - количество респондентов (в %), выбравших данное описание, R - средний ранг, α - уровень значимости различий между показателями R в двух группах.)

Описание	Настоящее					Обозримое будущее				
	Харьков		Ровно		α	Харьков		Ровно		α
	n	R	n	R		n	R	n	R	
сын/дочь	88	3,6	85,3	4,3	-	72,8	4,7	67,4	3,9	-
муж/жена	43,5	3,2	58,9	3,8	-	85,9	2,9	82,1	3,1	-
отец/мать	33,7	3,8	53,7	1,7	0,01	81,3	2,6	82,1	1,7	0,001
харьковчанин/ ровенчанин	85,9	6,2	63,2	8,6	0,001	75	7,3	44,2	9,1	0,001
горожанин	81,5	7	68,4	8	-	72,8	7,6	54,7	8,4	-
сельский житель	3,3	9,7	9,5	8,8	-	3,3	7,7	7,4	7,6	-
украиноязычный	14,1	10,8	74,7	7,1	0,001	18,5	9,3	61,1	7,8	-
русскоязычный	83,7	6,7	18,9	7,7	-	71,7	7,4	12,6	8,3	-
украинец	48,9	6,8	87,4	6,1	-	40,2	7,3	71,6	6,6	-
русский	50	5,7	4,2	3,3	-	50	6,2	3,2	4,7	-
гражданин Украины	82,6	7,1	90,5	6,1	0,01	57,6	7,7	74,7	6,4	0,01
житель Восточной / Западной Украины	62	8,5	73,7	8,7	-	47,7	10	49,5	8,3	0,01
житель СНГ	60,9	8,8	37,9	10,8	0,001	39,1	9,7	14,7	11,1	-
европеец	51,1	8	50,5	7,9	-	58,7	7,5	49,5	7,5	-
славянин	58,7	7,4	48,4	8,8	0,05	58,7	7,5	41,1	8,8	-
специалист	53,5	4,2	75,8	4	-	85,9	3,7	88,4	3,8	-
студент	59,3	3,2	43,7	6,3	0,001	13	5,1	9,5	6,3	-

безработный	17,4	6,7	10,5	6	-	5,6	5,4	3,2	6,7	-
католик	2,2	11	5,3	7,2	-	5,6	5,5	4,2	8,5	-
верующий в Бога	40,2	6,2	81,1	4,7	0,05	40,2	5,7	75,8	4	0,05
неверующий в Бога	28,3	10,1	4,2	10	-	25	8,6	2,1	7	-
православный	44,6	6,8	72,6	6,9	-	43,4	8,2	63,2	6,5	-

Данные самокатегоризации приводились к единому виду: рассчитывался показатель частоты выбора каждого из описаний (в %) для каждой группы и определялся средний ранг, присваиваемый данному самоописанию в каждой группе ($R = \text{сумма всех рангов} / \text{количество выбравших данное описание}$). Для сравнения среднегрупповых результатов был применен U-критерий Манна-Уитни. В табл.2 приведены результаты самокатегоризации, полученные в двух выборках – харьковской и ровенской.

Различия между двумя региональными группами проявились как в частоте выбора, так и в значимости выбираемых описаний.

СОБИРАТЕЛЬНЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ "ОБРАЗ Я".

Сравнительный анализ наиболее популярных описаний (выбираемых более чем 80% респондентов) показывает, что респонденты обеих групп, характеризуя себя в настоящее время, отмечают свою гражданскую принадлежность ("гражданин Украины") и свою роль "сына/дочери". Однако, если жители Харькова при этом описывают себя как русскоязычных "горожан" - "харьковчан", то жители Ровно указывают на свою принадлежность к украинскому этносу ("украинец") и на свою религиозность ("верующий в Бога").

Таблица 3

Наиболее типичные самоописания, выбираемые в разных регионах (условные обозначения: *описание встречается у 80% респондентов и более, описание встречается у 70-80% респондентов, описание выбирается 60-70% респондентов*; * - средний ранг описания $R < 5$; ** - описание, получившее самый высокий ранг)

"Я сейчас"		"Я в будущем"	
Харьков	Ровно	Харьков	Ровно
сын / дочь *	гражданин Украины	муж / жена *	специалист *
харьковчанин	украинец	специалист *	родитель **
русскоязычный	сын / дочь *	родитель **	муж / жена *
гражданин Украины	верующий *	харьковчанин	верующий *
горожанин	специалист *	горожанин	гражданин Украины
житель восточной Украины	украиноязычный	сын / дочь *	украинец
житель СНГ	житель западной Украины	русскоязычный	сын / дочь *

	православный	православный
	горожанин	украиноязычный
	ровенчанин	

При описании себя в обозримом будущем респонденты обеих групп чаще всего выбирали семейные ("муж/жена", "отец/мать") и профессиональные роли ("специалист, профессионал"), присваивая им при этом самые высокие ранги. Следует отметить, что жители Ровно в целом придают большее значение своему статусу родителя (отца/матери), чем харьковчане, что полностью согласуется с результатами подготовительного этапа (методика "Кто Я?").

Сравнительный анализ, проведенный отдельно для двух возрастных групп, показал, что для 30-40-летних жителей Ровно самой важной характеристикой является "отец / мать", как для настоящего, так и для будущего, в отличие от старшей харьковской группы, где родительская роль устойчиво оценивается ниже, чем в Ровно ($\alpha=0,01$) и рассматривается наравне с супружеской ролью. Обусловлены эти различия особенностями культурно-исторического развития регионов, или их следует рассматривать как общее следствие урбанизации, не связанное с этнической спецификой?

Результаты, полученные в Первомайске, побуждают склониться в пользу последнего предположения, поскольку в том, что касается семейной сферы, ответы 30-40-летних жителей небольшого восточно-украинского города полностью соответствуют позиции их западно-украинских сверстников (табл.4).

Дополнительный анализ, проведенный с учетом половой принадлежности, выявил гендерные различия в отношении респондентов из младших подгрупп к своему нынешнему статусу "сына/дочери". В обоих регионах девушки присваивают позиции "дочь" более высокие ранги ($R=2,6$ в Ровно, $R=2,5$ в Харькове), чем юноши – позиции "сын" ($R=5,1$ в Ровно, $R=4,1$ в Харькове) (различия значимы при $\alpha=0,001$ – для Ровно, $\alpha=0,01$ – для Харькова). Это также соответствует результатам, полученным на подготовительном этапе при проведении метода "Кто я?", и может указывать на более выраженную у юношей (в сравнении с девушками) реакцию эмансипации от родительской семьи.

Как следует из табл.2 и 3, наиболее выраженные различия между двумя группами проявились в отношении национальной, этнолингвистической, городской, региональной, религиозной и гражданской идентичности. Различия обнаружили также в частоте использования характеристики "специалист, профессионал" для описания "Я сейчас". В Ровно эту характеристику выбирали чаще, чем Харькове, однако присваиваемые ей ранги были одинаково высокими в обоих регионах и в обеих возрастных подгруппах. Названное различие получает свое объяснение при учете того, что жители Харькова чаще называют себя студентами: как в младшей группе, так и в старшей (те, кто проходил последипломное обучение, связывали свою профессиональную самореализацию с будущим временем, несмотря на совмещение обучения с работой по первой специальности).

Таблица 4

Наиболее выраженные различия в самокатегоризации жителей восточного и западного регионов Украины в двух возрастных группах (n - количество респондентов (в %), выбравших данное описание, R - средний ранг.).

временной период	Настоящее										Обозримое будущее									
возраст	20-23 года					30-40 лет					20-23 года					30-40 лет				
город	Харьков		Ровно		Харьков		Ровно		Первом.		Харьков		Ровно		Харьков		Ровно		Первом.	
Описание	n	R	n	R	n	R	n	R	n	R	n	R	n	R	n	R	n	R	n	R
отец / мать	10	1,5	21,7	2,6	61,9	4,2	83,7	1,4	80	1,6	82	2,3	71,7	1,9	81	3,1	91,8	1,5	90	1,7
украиноязычный	8	9	78,3	6,6	21,4	11,6	73,5	7,7	40	9,3	14	7,8	58,7	8	23,8	10,4	65,3	7,5	40	6,5
русскаяязычный	92	5,4	26,1	7,9	73,8	8,4	12,2	7,3	90	7,3	76	6,4	17,4	8,8	66,7	8,9	8,2	7,5	70	7,4
украинец	44	6,2	87	5,8	54,8	7,3	87,8	6,4	45	7,3	42	7,1	70	6,4	38,1	7,5	73,5	6,8	40	8,8
русский	54	5,6	6,5	3	45,2	5,9	2	4	55	3,7	48	6,7	4,3	5	52,4	5,6	2	4	50	5,2
гражданин Украины	84	6,5	89,1	5,7	81	7,9	91,8	6,5	55	8	<u>56</u>	7,4	69,6	6,4	<u>59,5</u>	7,9	79,6	6,5	50	11,4
житель СНГ	52	8,7	30,4	10,3	71,4	8,8	44,9	11,1	90	8,8	30	9,6	10,9	11	50	9,9	18,4	11,2	70	8,4
восточная /западная Украина	54	7,9	76,1	7,8	69	9,2	71,4	9,6	95	8,8	42	9,4	45,7	7,1	54,8	10,8	53,1	9,3	80	8,5
верующий	36	5,5	80,4	4,4	45,2	7,1	81,6	5	50	4,6	36	6,3	67,4	3,7	45,2	5,3	83,7	4,2	50	3,5
православный	34	8,2	67,4	6,8	51,7	5,9	77,6	7	65	7,6	38	9,4	56,5	6,8	50	7,4	69,4	6,2	60	7,2
неверующий в Бога	24	10	6,5	8,7	33,3	10,1	2	14	10	7	20	10,6	4,3	7	31	7	—	—	10	6

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ. Большинство жителей Ровно и в настоящем и в будущем видят себя украиноязычными, в то время как большинство харьковчан и жителей Первомайска отдают предпочтение русскому языку (табл.2, 4). Прогнозируя будущее, жители Ровно реже называли себя

украиноязычными, при этом для ровенской молодежи значение украиноязычия значимо снижается ($\alpha=0,05$). Жители восточной Украины, обращаясь к будущему, соответственно, реже указывали на свое русскоязычие, не снижая, однако, ранг этой характеристики. Возрастные различия здесь проявились в том, что харьковская молодежь придает большее значение русскоязычию (как в настоящем, так и в будущем), чем старшие земляки ($\alpha=0,01$).

Отметим также значимые различия в рангах, присваиваемых русскоязычию в будущем женщинами и мужчинами, проживающими в Харькове. В целом русский язык более высоко оценивался мужчинами-харьковчанами ($R=6,3$), чем женщинами ($R=8,4$) ($\alpha=0,01$).

Различия между харьковской и ровенской молодежью проявились в представлениях о значимости их будущей этнолингвистической идентичности. Прогнозируя будущее, харьковчане отводят своему русскоязычию более высокое место, чем ровенчане – своему украиноязычию ($\alpha=0,01$).

В целом, при переходе к будущему, языковой критерий реже используется респондентами, и они реже отмечают свою этнолингвистическую принадлежность. Связь этнолингвистической идентификации и национального самоопределения проявляется в том, что в обеих региональных группах, как правило, описание "украиноязычный" выбирается в связке с характеристикой "украинец", а "русский" – в связке с "русскоязычный".

Региональные различия в национальной идентичности проявились в следующем. Если в "западной" группе идентификация с русскими отмечается в единичных случаях и преобладающей является украинская идентичность, то в "восточной" группе русская идентичность не уступает, а применительно к будущему даже преобладает над украинской (как по количеству выборов, так и по их значимости). Вместе с тем, для обеих групп отмечается общая тенденция, состоящая в уменьшении количества респондентов, выбирающих описание "украинец" для характеристики себя в будущем. Количество респондентов с русской идентификацией остается при этом на одном уровне.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ. Как уже отмечалось, гражданская идентификация была одной из наиболее выраженных в обеих группах: на свое нынешнее украинское гражданство указывали 90,5% ровенчан и 82,6% харьковчан. При этом ровенчане ставят свое гражданство в среднем на ранг выше, чем харьковчане

($\alpha=0,01$), но в целом присваиваемый ранг не является высоким (6,1 в Ровно, 7,1 – в Харькове). Возрастные и гендерные различия здесь не прослеживаются.

При переходе к будущему различия между двумя регионами становятся более выраженными: число респондентов, отметивших свое украинское гражданство, в Ровно заметно выше, чем в Харькове (74,7% и 57,6%). Также проявляются и возрастные различия: в обоих регионах для молодежи в меньшей степени, чем для их более старших земляков характерна гражданская идентификация (табл.4).

В Первомайском гражданскую идентичность демонстрирует половина респондентов, и хотя при переходе к описанию будущего их количество почти не изменяется, значение украинского гражданства для них не просто ослабевает, но становится минимальным (самый низкий средний ранг).

НАДНАЦИОНАЛЬНАЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ И ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ. В целом в восточной группе чаще, чем в ровенской, а в рамках двух возрастных групп – старшие чаще, чем младшие, выбирали описание "житель СНГ" (табл.2 и табл.4). При переходе от настоящего к будущему частота указаний на проживание в СНГ более чем вдвое сокращается в ровенской группе и лишь на 1/3 – у харьковчан и первомайцев. Как результат, при описании будущего около 40% харьковчан в обеих возрастных группах характеризуют себя как жителей СНГ – это в 2,5 раза чаще, чем в Ровно. Еще выше доля жителей Первомайска, связывающих свое настоящее и будущее с СНГ (90% и 70%).

Как видим, для половины харьковчан будущее связывается с проживанием в СНГ, однако остается неясным, идет ли речь о будущей Украине как члене СНГ или подразумевается переезд в одну из стран нынешнего СНГ?

Как показал дополнительный анализ, 28% харьковчан из младшей группы и 47,9 % – из старшей одновременно выбирали связку "житель СНГ" – "гражданин Украины" и/или "житель восточной Украины" и/или "харьковчанин". Соответственно, только 2% младших респондентов и 2,1% старших – не связывали свою будущую принадлежность к жителям СНГ с украинским гражданством и/или проживанием в восточной Украине. В Первомайском и в Ровно все респонденты, выбравшие для будущего описание "житель СНГ", подразумевают свое проживание в Украине как члене СНГ. Таким образом, 42% всех респондентов из восточной Украины и 14,7% – из западной – связывали будущее Украины с членством в СНГ.

Характеризуя себя в настоящем, младшие харьковчане реже всех остальных описывали себя как жителей восточной Украины. Возможно, харьковская молодежь в меньшей степени воспринимает Восточную Украину как особый регион. Более значимыми для них являются проживание в Харькове – крупном культурном и промышленном центре и украинское гражданство, причем быть харьковчанами для них важнее, чем быть гражданами Украины. (Отметим, что старшие харьковчане присваивают одинаковые ранги описаниям "гражданин Украины" и "харьковчанин", а для жителей Ровно гораздо важнее чувствовать себя гражданами Украины, чем ровенчанами.)

При переходе от настоящего к будущему региональная идентификация становится более редкой во всех подгруппах, а ее значимость несколько повышается в Ровно и снижается в Харькове (табл.2).

Гендерные различия проявились в том, что в обоих регионах мужчины, описывая себя в будущем, придавали большее значение своей региональной принадлежности, чем женщины ($\alpha=0,01$). Сопоставление рангов, присваиваемых этой позиции при оценке настоящего и будущего, вскрывает общие тенденции для женских подгрупп и разнонаправленные – для мужских. Так, харьковчанки считают, что в будущем проживание в восточной Украине будет для них менее важным, чем в настоящее время, и такую же позицию занимают те жительницы Ровно, кто связывают свое будущее с проживанием в Западной Украине. Однако среднегрупповой ранг для будущего в женских ровенских подгруппах существенно не изменяется, и объясняется это тем, что часть респонденток, ставящих свое нынешнее проживание в западной Украине на одно из последних мест, в будущем просто перестают описывать себя как жительниц этого региона (именно благодаря исключению очень низких рангов и сохраняется средний показатель при описании будущего).

Харьковчане-мужчины в обеих подгруппах ставят свое нынешнее проживание в восточной Украине в среднем на полтора ранга выше, чем харьковчанки, а при переходе к будущему этот разрыв возрастает до 2,5 ($\alpha=0,01$), хотя в целом роль региональной принадлежности для мужчин-харьковчан снижается. Для тех мужчин-жителей Ровно, кто связывают свое будущее с проживанием в западной Украине, значение региональной принадлежности в будущем сохраняется на том же уровне, что и в настоящем. Но поскольку здесь (как и в женской ровенской группе) те, кто в настоящее время низко оценивает

значение своего проживания в регионе, при описании будущего просто перестают о нем упоминать, средний ранг региональной принадлежности в будущем повышается.

Таким образом, в образе будущего респонденток-женщин региональная принадлежность перемещается на одно из последних мест. Также в представлениях о будущем для мужчин-харьковчан проживание в восточной Украине становится менее важным. Зато для мужчин-жителей Ровно, связывающих свое будущее с западной Украиной, региональная принадлежность сохраняет свою актуальность. Означает ли это, что женщины и мужчины-харьковчане демонстрируют большую готовность к перемене постоянного места жительства? Или же они в меньшей степени связывают свои ожидания с конкретным регионом? Результаты самокатегоризации не позволяют однозначно ответить на эти вопросы. (Отметим только, что в Первомайском региональная идентификация была одной из наиболее широко представленных, а ее значимость при переходе к будущему сохранялась. Гендерные различия здесь также не прослеживались.)

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ. Жители Ровно значительно чаще харьковчан и жителей Первомайского (81,1% против 40,2% и 50%) отмечают свою веру в Бога и придают ей большее значение, чем жители восточного региона ($\alpha=0,05$). Харьковчане достаточно часто - более чем в 1/4 случаев - называли себя неверующими в Бога, в то время как в Ровно лишь несколько человек отнесли себя к неверующим.

Сравнительный анализ показывает, что религиозная идентичность связана с этнолингвистической идентичностью. В западноукраинской группе из 87,4% респондентов-"украинцев в настоящем" – 69,5% верят в Бога, а из 74,7% украиноязычных – 60% верующих (4/5). Прогнозируя будущее, 61,1% западных респондентов видят себя верующими украинцами (всего 71,6% назвали себя в будущем украинцами), а 50,6% – украиноязычными верующими (4/5 от 61,1% респондентов, характеризующих себя в будущем как украиноязычных).

В восточном регионе 4/5 украиноязычных и только половина украинцев охарактеризовали себя как верующих (и в настоящем, и в будущем).

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ. Поскольку один из вопросов, ответить на которые было призвано данное исследование, связан с тем, какую роль в социальных

репрезентациях времени занимает так называемый "европейский образ жизни", в перечень возможных самоописаний был включен "европеец".

Характеристика "европеец" оказалась единственным описанием, которое выбиралось одинаково часто в обоих регионах и получало при этом близкие ранги. Значимых возрастных и гендерных различий в европейской идентификации не обнаружено. В системе социальных идентификаций принадлежность к Европе не переживается как высоко значимая, но вместе с тем занимает устойчивую позицию. Более трети всех респондентов из каждой группы называли себя европейцами применительно как к настоящему, так и к будущему одновременно. Отметим, что "европеец" не противопоставляется жителю Украины. Только 7% респондентов в каждой группе, выбирая "европеец" при описании будущего, не указывали на свою принадлежность к Украине (гражданин Украины / житель региона Украины / житель украинского города).

В меньшей степени чувствуют себя европейцами жители Первомайского, что может указывать на связь представлений о европейском образе жизни с возможностями, предоставляемыми крупным городом – областным центром.

Обобщая вышеизложенное, отметим:

1. Наиболее выраженные различия между двумя региональными группами, как и ожидалось, проявились в этнолингвистической, национальной и религиозной сферах:

- для жителей западного региона типична достаточно устойчивая во временной перспективе украинская национальная идентичность, связанная с украинской этнолингвистической идентичностью;
- значительное большинство жителей восточного региона характеризуется русской этнолингвистической идентичностью, которая сочетается в равной степени как с русской, так и с украинской национальной идентичностью;
- для жителей западного региона религиозная идентичность является более выраженной и более значимой, чем для жителей восточного региона. Можно предполагать, что это обусловлено влиянием украинской культурной традиции.

2. Гражданская идентичность более выражена у жителей западного региона и характеризуется большей устойчивостью (пролонгированностью в будущее), чем у жителей восточной Украины. В свою очередь, жители восточной Украины в значительно большей степени, чем в западноукраинской группе, уделяют

внимание членству Украины в СНГ, представляя себя и в будущем жителями СНГ.

3. Более двух третей всех респондентов, независимо от региона проживания, осознают себя европейцами. Почти половина из них называют себя европейцами дважды – при описании и настоящего и будущего. Зависимость между европейской и другими видами социальной идентичности в данном исследовании не была установлена. Это может свидетельствовать как о различных путях формирования европейской идентичности, так и о разбросе индивидуальных смыслов, объединяемых названием "европеец".

Отдельно следует отметить новые возможности в изучении социальной идентичности, которые открывает сравнительный анализ действительных (на момент исследования) и прогнозируемых социальных идентификаций. Учет в исследовании еще одного – временного измерения позволяет получить "стереоскопическую" картину изучаемого феномена.

Литература:

1. Гнатенко П.И., Павленко В.Н. Идентичность: философский и психологический анализ. К., 1999
2. Павленко В.Н., Корж Н.Н. Трансформация социальной идентичности в пост-тоталитарном обществе // Психологический журнал, 1998, N1. - С.83-95
3. Павленко В.Н., Кряж И.В., Барретт М. Этнические и национальные идентификации и представления у украинских детей и подростков // Психологический журнал, 2002, №5.-С.60-72
4. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность в ситуации социальной нестабильности // Этническая психология и общество. - М.: «Старый Сад», 1997. - С.97-104.

KRYAZH I.V.

THE SISTEM OF SOCIAL IDENTIFICATIONS IN THE CONTEXT OF INDIVIDUAL TIME PROSPECT.

The paper discusses the results of the comparative research of social identifications in 321 persons living in western and eastern regions of Ukraine. Peculiarities of social identifications regarded both to present and future in their subjective dimension are compared. The main regional differences – touched on ethnolinguistic and religious identities first at all – are discussed.